Рѣчи

у гроба почившаго профессора Кіевской Духовной Академіи П. И. Линицкаго.

Дорогой Наставникъ,
возлюбленный во Христѣ братъ!

Еще не такъ давно мы съ глубокою скорбью провожали въ могилу нашего незабвеннаго профессора-философа М. А Олесницкаго, и вотъ опять смерть, опять новая потеря для Академіи,—смерть также профессора-философа, воспитавшаго столько академическихъ поколѣній, оставившаго послѣ себя столь великое философское наслѣдіе и всѣмъ хорошо извѣстнаго въ ученомъ мірѣ. То была смерть совершенно для насъ неожиданная, а къ этой смерти мы нѣсколько были подготовляемы, два мѣсяца тревожно слѣдя за ходомъ болѣзни почившаго и получая въ послѣднее время все болѣе и болѣе печальныя извѣстія. Но та и другая смерть одинаково мучительно отражаются въ нашемъ сердцѣ. Сходятъ въ могилу люди крѣпкой мысли, сильнаго духа, глубокой вѣры, великіе патріоты, а такіе люди такъ теперь намъ нужны, такъ ихъ требуетъ переживаемое нынѣ тяжелое время.

Умеръ нашъ учитель-философъ!.. Философія была для него своего рода воздухомъ, которымъ онъ дышалъ и безъ котораго жить не могъ. Ни о чемъ онъ такъ не любилъ говорить, какъ объ образовательномъ значеніи философіи,

которая, по его мнѣнію, придаетъ смыслъ раздробленному человѣческому знанію, вноситъ въ нашу жизнь единство, стройность и цѣлостность, возвышаетъ насъ надъ всякою житейскою мелочностью. Факты безъ освѣщающей ихъ идеи не имѣютъ значенія, какъ и сама идея безъ фактовъ пуста и безсодержательна. „Нѣтъ у насъ—любилъ говорить почившій—настоящаго философскаго образованія, и отсюда такъ много всякаго рода ненормальностей; не думайте, что жизнь можно обновить какими-нибудь внѣшними реформами; нужно прежде всего возродить себя самого; все дѣло въ воспитаніи, въ личности. Любятъ ли теперь знаніе? Цѣнятъ ли нынѣ настоящую науку"?... И всю жизнь почившій самоотверженно боролся за достоинство и права философіи. Это не была та модная философія, которая теперь пользуется такою популярностью и которая не знаетъ больше того, что можно видѣть и осязать, надъ чѣмъ можно производить ученые эксперименты. Это была истинно христіанская философія, въ основѣ которой лежатъ слова Апостола: „вѣрою разумѣваемъ". И сколько въ этой области сдѣлалъ почившій, какъ много онъ здѣсь намъ прояснилъ, крѣпко обосновавши начала христіанскаго теизма. Его философское міровоззрѣніе было возвышенно, чисто, прозрачно, какъ кристаллъ.

„Мудръ ли и разуменъ кто изъ васъ"? говоритъ св. Апостолъ. „Докажи это на самомъ дѣлѣ добрымъ поведеніемъ". И всѣ мы хорошо знаемъ, что почившій нашъ дорогой наставникъ оправдалъ вполнѣ свою мудрость своимъ житіемъ. Это была жизнь чистая, жизнь добрая, жизнь безкорыстная. Это былъ собственно такой же отшельникъ, такой же самоотверженный служитель науки, какъ и его почившій ученикъ, которому онъ—своему неизмѣнному другу какъ бы передалъ свою философскую мысль. Жизнь уединенная, жизнь всегда сосредоточенная, жизнь не разсѣиваемая никакими мелочами,—не есть ли жизнь настоящаго философа?..

Подготовлено Киевской Духовной Академией и Семинарией,
http://kdais.kiev.ua

Труды Киевской Духовной Академии

Истинная мудрость—разъясняетъ далѣе Апостолъ—„чиста, мирна, скромна, послушлива, полна милосердія и добрыхъ плодовъ, безпристрастна и нелицемѣрна". И всѣ мы знаемъ миролюбіе почившаго, его величайшую скромность. Знаемъ, что ни предъ кѣмъ онъ не любилъ ласкательствовать и унижаться, а его мудрость была безпристрастна и нелицемѣрна, слово смѣло, рѣшительно и правдиво. Это была въ то же время мудрость „послушливая", т. е. не своекорыстная, замыкающая въ себѣ, а готовая всякому придти на помощь. Бесѣды съ почившимъ, которыя неизмѣнно вращались на вопросахъ чисто философскихъ, остаются для насъ навсегда незабвенными. А какое по истинѣ чарующее дѣйствіе онъ производилъ въ своей семейной обстановкѣ, въ своемъ рабочемъ кабинетѣ!.. Съ виду какъ бы угрюмъ и мало доступенъ, но какое доброе, предоброе сердце!.. Строгъ почившій наставникъ былъ къ себѣ, къ своимъ профессорскимъ обязанностямъ, и всегда жилъ и дѣйствовалъ такъ, чтобы умножалось истинное, а не призрачное знаніе, чтобы въ жизнь выходили дѣйствительные работники, а не работники только кажущіеся, дипломированные. Покойный былъ страшный врагъ всякой призрачности, въ какой бы формѣ она ни проявилась, а этой призрачности, прикрывающейся формою реальности, въ жизни, какъ извѣстно, встрѣчается такъ много, и ее нужно всячески разоблачать, ибо жизнь требуетъ не призрачныхъ, а реальныхъ силъ.

Философія была стихіею жизни почившаго дорогого наставника. Онъ ее беззавѣтно любилъ, всецѣло ей отдался, ничѣмъ посторонним никогда не отвлекаясь, хотя жизнь профессора часто, какъ извѣстно, бываетъ полна большой скудости. Онъ всегда работалъ, неутомимо писалъ, постоянно обновлялъ свой профессорскій курсъ. „Всегда—говорилъ почившій—нужно размышлять. Философія, видите ли, есть наука, имѣющая дѣло съ понятіями, а понятія нужно всячески прояснять и приводить ихъ въ лучшую, болѣе стройную

Подготовлено Киевской Духовной Академией и Семинарией,
http://kdais.kiev.ua

Труды Киевской Духовной Академии

систему. Что прежде вполнѣ удовлетворяло мысль, то теперь уже является не таковымъ". И такъ неустанно работалъ, приснопамятный нашъ наставникъ, и въ послѣднее время принялся уже за составленіе систематическаго курса философіи, но смерть не позволила ему привести къ концу свой такъ много продуманный, составляющій плодъ всей его жизни, философскій трудъ.

Нашъ почившій дорогой учитель далекъ былъ отъ того взгляда, что философія есть только простое суммированіе результатовъ, добытыхъ другими науками. Онъ всячески показывалъ несостоятельность этого, столь распространеннаго нынѣ, воззрѣнія на научныя задачи философіи. Послѣдняя имѣетъ свой самостоятельный предметъ, свою особенную задачу, свои средства къ осуществленію этой задачи и ни въ какомъ случаѣ не можетъ быть разрѣшаема въ простой синтезъ добытаго въ другихъ научныхъ областяхъ. Но въ то же время философію, по мнѣнію почившаго наставника, нельзя отрывать и отъ опытнаго эмпирическаго основанія, и потому почившій владѣлъ самымъ разностороннимъ знаніемъ, особенно же живо всегда интересовался исторіею и естествознаніемъ. Необыкновенно высоко онъ цѣнилъ и искусство, и въ чудныхъ, любимыхъ имъ, симфоніяхъ Моцарта и Бетховена, которыя онъ иногда посѣщалъ, пользуясь этимъ почти единственнымъ для него отдохновеніемъ, онъ уносился въ тотъ возвышенный, идеальный міръ, въ которомъ всегда жила его душа, съ которымъ она сроднилась.

Чистая, благородная, самоотверженная, учено-подвижническая жизнь,—ты прервана! Доброе, отзывчивое сердце—ты перестало биться!... Спѣлый колосъ созрѣлъ, принеся обильный плодъ...

Дорогой наставникъ! Ты оставилъ намъ примѣръ истинной мудрости, являемой отъ добраго житія. Твое философское чело запечатлѣно по смерти такимъ дивнымъ, невечернимъ спокойствіемъ!... Смотримъ мы на него и не можемъ

Подготовлено Киевской Духовной Академией и Семинарией,
http://kdais.kiev.ua

Труды Киевской Духовной Академии

оторваться... По истинѣ ты уснулъ, нашъ незабвенный Петръ Ивановичъ, и какъ бы думаешь попрежнему свою глубокую философскую думу. И могла ли смерть быть страшна для тебя, когда всю свою жизнь ты взиралъ не на временное, преходящее, а погружался въ вѣчное, въ царство неизмѣнныхъ идей? Да водворится же душа твоя во благахъ!... Да узришь ты своимъ чистымъ сердцемъ Того, Кого всѣ мы здѣсь познаемъ только „какъ бы сквозь тусклое стекло". Миръ твоей душѣ!

Д. Богдашевскій.

2.

Глубоко трогательное событіе изъ жизни Господа нашего Іисуса Христа вспоминается въ настоящія минуты у гроба этого старца, учителя многихъ. Предъ отшествіемъ изъ этого міра, бесѣдуя съ Своими возлюбленными учениками „въ послѣдній разъ", Спаситель обратилъ, наконецъ, взоръ ихъ къ Своей предстоящей разлукѣ съ ними, тяжелой, мучительной и горькой для учениковъ. „*Чадца*", сказалъ Онъ: „еще съ вами мало есмь: взыщете Мене и якоже рѣхъ іудеомъ, яко аможе Азъ иду, вы не можете пріити и вамъ глаголю нынѣ" (Іоан. 13 гл. 33 ст.). „Иду уготовати мѣсто вамъ: и аще уготовлю мѣсто вамъ, паки пріиду и поиму вы къ себѣ, да идѣже есмь Азъ, и вы будете". (Іоан. 14 гл. 2—3 ст.). Эти дивныя слова Господа, исполненныя любви къ человѣку и заботы о немъ, не были, однако, совершенно понятны и ясны для слушателей. „Глагола Ему Ѳома: Господи, не вѣмы, камо идеши: и како можемъ путь вѣдѣти". (Іоан 14 гл. 5 ст.). Ученикъ и свидѣтель дѣлъ Христовыхъ „отъ крещенія Іоаннова даже до дня, въ оньже вознесеся на небо" (Дѣян. 1 гл. 22 ст.), знавшій жизнь Господа, слышавшій всѣ Его бесѣды, не провидитъ пути, какой предлежитъ его Учителю, не знаетъ мѣста, отъ сложе-

Подготовлено Киевской Духовной Академией и Семинарией,
http://kdais.kiev.ua

нія міра Ему предназначеннаго (Іоан. 17 гл. 5 ст.; 1 гл. 18 ст.). Быть можетъ, это бываетъ и не всегда такъ, но нерѣдко именно такъ. Мы, ученики и слушатели, окружили, нынѣ своего учителя „въ послѣдній разъ". Драгоцѣнные для насъ останки его, положенные въ этомъ новомъ гробѣ, руками нашими внесенномъ во всечестный храмъ сей, уже сказали намъ объ его отшествіи изъ этого міра. Дозволь теперь, Незабвенный Учитель, мнѣ, ученику твоему предложить сей же вопросъ апостола: Учителю, камо идеши?

Какъ любителю истины, идеалисту, философу вопросъ этотъ близокъ былъ сердцу усопшаго. Много несомнѣнно усилій положилъ онъ и къ его уясненію, издавна устремляя свой философскій взоръ къ потустороннему міру, въ немъ ища рѣшенія міровыхъ загадокъ и духовнаго успокоенія для себя. Мы не можемъ и не считаемъ себя въ правѣ рѣшать здѣсь вопросъ, въ какой мѣрѣ достигъ онъ своей цѣли, въ какой степени уразумѣлъ онъ истину вообще и своего потустороняго бытія, въ частности. Скажемъ только, что и та мѣра познанія, какая доступна была ему, возвысила его надъ многими. Еще сравнительно въ молодые годы его поставляютъ на свѣщницѣ [1]), въ храминѣ высшей богословской науки. Это періодъ цвѣтенія его таланта. Уже тогда уясняетъ онъ вопросы о потусторонней жизни и можетъ отвѣтить всякому вопрошающему, какъ и куда идетъ онъ послѣ своей смерти. Мнѣ живо предносится образъ этого мужа, уже искушеннаго въ вѣдѣніи, но еще только что начинающаго доблестный подвигъ учительства. Сильный словомъ и мыслію стоитъ онъ предъ сонмомъ . ношей, всей душой ищущихъ истину. Взоръ его пламенныхъ острыхъ очей направленъ вдаль, вдаль— за грань города, полей, міра, вселенной. По роду своей профессіи онъ уясняетъ вѣковые вопросы бытія и жизни. уясняетъ какъ богословъ. вѣдущій „Писаніе",

[1]) Мат. 5 гл.

Подготовлено Киевской Духовной Академией и Семинарией,
http://kdais.kiev.ua

Труды Киевской Духовной Академии

проникнутый вѣрою въ его истинность и непреложность, умняетъ какъ философъ, умудренный и въ наукахъ внѣшнихъ, житейскихъ. Голосъ его звучитъ отрадно какъ мечта, углубляя, унося въ пространство мысль, всю душу слушателей. Глубокомысленнаго христіанина—философа не могъ бы смутить уже тогда недоумѣнный вопросъ ученика: камо идеши. Съ помощію вѣры и знанія онъ постигалъ тайну, куда идетъ духъ, гдѣ мѣсто для тѣла, гдѣ, наконецъ, успокоится весь человѣкъ.

Но вотъ солнце его жизни клонится къ западу. Вѣдѣніе его расширяется все болѣе и болѣе. Свѣтъ глубокаго вечера, почти ночи сливается въ концѣ съ свѣтомъ утренней зорьки. Земная жизнь какъ бы мало-по-малу отлетаетъ отъ него, и тихая, потусторонняя.... сходитъ къ нему на землю. Нужно было только видѣть это, цѣнить и понимать.— Мы даже не говоримъ о содержаніи его бесѣдъ,—въ послѣднее время; уже внѣшность и тонъ ихъ обличали въ немъ глубину и ясность мысли и *рѣдкое*, мало доступное для человѣка вѣдѣніе. Припомните это тихое, скромное, симпатичное, большею частію импровизированное чтеніе профессора, чуждое всякихъ прикрасъ изъ пышныхъ словъ, чуждое всякой декламаторской игры, все проникнутое однимъ желаніемъ сообщить лишь единственно цѣнное, дать слушателю только истину. Припомните эту сжатую, краткую выраженіями, но обильную мыслями лекцію усопшаго, необыкновенно простую и ясную по изложенію. Слушателю казалось, что онъ самъ можетъ сказать то же самое и такимъ же точно образомъ, что все, что онъ слышитъ такъ просто, такъ, можно сказать обыкновенно, точно само собою выливается изъ устъ оратора. Но при первой же попыткѣ сказать что-нибудь подобное, сейчасъ же чувствовалось, что это простое и, повидимому, необыкновенное слово дается только послѣ многихъ думъ, внимательной обработки каждой малѣйшей детали вопроса и даже... даже послѣ какого-то таинственнаго проникновенія въ

Подготовлено Киевской Духовной Академией и Семинарией,
http://kdais.kiev.ua

Труды Киевской Духовной Академии

глубь вещей. Аудиторія понимала и высоко цѣнила своего профессора. Я помню какъ многіе изъ насъ усердно, въ теченіе цѣлаго года, записывали за нимъ каждое слово.

Нынѣ этотъ путникъ достигъ родины; этотъ пловецъ по бурному житейскому морю вошелъ въ тихую пристань, неутомимый служитель истины, искавшій эту безцѣнную жемчужину, сокрытую на селѣ[1]), всю свою жизнь нынѣ прешелъ отсюда и приблизился къ небесной истинѣ, достигъ горняго, идеальнаго, куда устремлялся лишь его философскій взоръ. Какъ бы хорошо было, если бы онъ и теперь отвѣтилъ на нашъ вопросъ: камо идеши? Какое бы полное ясное и точное было наше знаніе. Но нѣтъ отвѣта. Безмолвно молчитъ тотъ, кто не любилъ молчать, неумолимая смерть на вѣки сомкнула его уста. Однако мы вѣримъ, что почившій, какъ истинный христіанинъ, отвѣтитъ бы намъ словами Самого Господа: „аможе Азъ иду вѣсте и путь вѣсте“ (Іоан. 14 гл., 4 ст.). Учитель нашъ безмолствуетъ, но его безмолвіе громче всякаго слова побуждаетъ насъ обратиться къ тому, что онъ говорилъ еще при жизни. Мы должны знать путь человѣка, мы не въ правѣ забыть, куда идетъ усопшій. „Лежитъ человѣкомъ единою умрети, потомъ же судъ“ (Евр. 9 гл. 26 ст.).—Это голосъ апостола, это свидѣтельство той книги вѣры, которая просвѣщала умственный кругозоръ почившаго.

Итакъ, „на судъ“ идетъ нашъ Незабвенный Учитель. Что скажемъ? Что подумаемъ? услышавъ такой отвѣтъ...

Серьезная, сосредоточенная, философская жизнь усопшаго давала ему ясность и твердость духа, которыя освобождали его отъ многихъ пороковъ, ставили его на ту нравственную высоту, съ которой унизительнымъ и ненавистнымъ становится человѣку самолюбіе—этотъ корень грѣха. Но какъ человѣкъ онъ, конечно, не былъ свободенъ отъ нравствен-

[1]) Матѳ. 13 гл.

Подготовлено Киевской Духовной Академией и Семинарией,
http://kdais.kiev.ua

Труды Киевской Духовной Академии

ныхъ преткновеній и даже паденій, не былъ свободенъ, можетъ быть, и отъ нѣкоторыхъ уклоненій съ царскаго пути въ достиженіи истины. Для него теперь ничто такъ не желательно, ничто такъ не надобно; лишь бы только получить оправданіе отъ Бога. Мы, какъ ученики его, должны знать и помнить это. Не забудемъ же молиться о прощеніи вольныхъ и невольныхъ прегрѣшеній нашего Учителя и поминать его. Повѣримъ, что это самое горячее его прижизненное желаніе, что это будетъ самая высшая благодарность учителю за его труды и заботы о насъ.

Небольшой кружокъ твоихъ учениковъ собрался около твоего гроба проститься съ тобою, Незабвенный Учитель. Но вѣрь, что многіе надолго, если не навсегда унесутъ съ собою изъ стѣнъ этого храма твой симпатичный образъ, память и молитвы о тебѣ. Скоро къ твоей свѣжей могилѣ принесутся искреннія прощанія и теплыя молитвы воспитанниковъ прежнихъ курсовъ, со всѣхъ концовъ Россіи, гдѣ только они есть и куда долетитъ печальная вѣсть о твоей кончинѣ.

„Миръ праху Твоему! Вѣчный покой Тебѣ, честный доблестный труженикъ! Вѣчная Тебѣ память, Незабвенный Учитель“!

Студентъ III курса *Евгеній Поповъ.*

3.

Дорогой учитель!

Мы знали тебя въ то время, когда жизнь кругомъ такъ бурно волновалась, когда потрясающія картины безпощаднаго разрушенія смѣнялись картинами созиданія нетерпѣливаго и суетливаго, когда и здѣсь, и тамъ стихійно клокотали страсти, вовлекая въ свои пучины многихъ слабыхъ и малодушныхъ и потопляя ихъ...

Подготовлено Киевской Духовной Академией и Семинарией,
http://kdais.kiev.ua

И въ это время мы видѣли тебя, учитель, стоящимъ высоко надъ безпорядочной сутолокой дѣйствительности и съ высоты своей мудрости, какъ бы съ высоты вздымающейся надъ поверхностью бушующаго моря незыблемой скалы, поучающимъ насъ о жизни мира и гармоніи, объ устроеніи ея продуманномъ и разумномъ и объ основахъ ея твердыхъ и нерушимыхъ...

И свѣтъ этого твоего ученія освѣщалъ для насъ темные пути непогожаго моря житейскаго, давалъ успокоеніе смущенному духу нашему, грѣлъ и ободрялъ насъ.

Именно таково было свойство твоего, учитель, свѣта, что онъ не свѣтилъ только намъ, но и грѣлъ и ласкалъ насъ. Вѣдь твой свѣтъ не былъ чужимъ или заимствованнымъ блескомъ. Нѣтъ. Это былъ свѣтъ отъ истины, выношенной и выстраданной твоей собственною мыслью, свѣтъ—изъ теплоты твоего тосковавшаго по благѣ сердца, свѣтъ, добытый твоими упорными и для всѣхъ насъ примѣрными трудами и изысканіями... Главная же чарующая сила твоего свѣта была въ томъ, что онъ исходилъ изъ глубоко вѣрующей души, былъ свѣтомъ убѣжденнаго христіанина, живительнымъ свѣтомъ Христовымъ...

И вотъ теперь этотъ дивный свѣтъ погасъ ..

Не стало мудреца, стоявшаго надъ мятежными волнами жизни и ихъ умиротворявшаго, сномъ смерти заснулъ неусыпный доселѣ мудрецъ труженикъ, перестало биться доброе сердце мудреца христіанина.

Нѣкоторое, можетъ быть, непонятное волненіе грусти испытываемъ мы при видѣ ниспадающей съ темнаго ночного небосклона ясной звѣзды.

Тяжелая и вполнѣ понятная скорбь объемлетъ нашу душу при видѣ угасшей для этой земли свѣтлой жизни одного изъ немногихъ лучшихъ людей.

И вотъ этотъ день—для насъ день скорби..

Скорбныя пѣсни, скорбныя лица, скорбныя рѣчи...

Подготовлено Киевской Духовной Академией и Семинарией,
http://kdais.kiev.ua

Труды Киевской Духовной Академии

И не скорбѣть невозможно...

Но наша скорбь не можетъ быть неисцѣльной. Скорбь христіанъ и учениковъ христіанина растворится въ отрадной надеждѣ, что Отецъ свѣтовъ угасшую для этой земли свѣтлую жизнь нашего дорогого учителя возжжетъ новымъ, лучшимъ и немеркнущимъ свѣтомъ на новой землѣ и подъ новыми небесами.

О сбытіи этой надежды горячо мы молимся теперь и будемъ молиться паки и паки.

Студ. III к. *Николай Колосовъ.*

Подготовлено Киевской Духовной Академией и Семинарией,
http://kdais.kiev.ua